

УДК 94(47):911.3

doi 10.17072/2219-3111-2023-1-166-172

Ссылка для цитирования: Горская Н. И. Регионы Российской империи как субъекты истории. Рецензия на книгу: Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация, (на)значение: коллективная монография / под ред. Е. Болтуновой, В. Сандерленда. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 304 с.: ил. (Серия Historia Rossica) // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 1(60). С. 166–172.

РЕГИОНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КАК СУБЪЕКТЫ ИСТОРИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: РЕГИОНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ:
ИДЕНТИЧНОСТЬ, РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ, (НА)ЗНАЧЕНИЕ:
КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ / ПОД РЕД. Е. БОЛТУНОВОЙ,
В. САНДЕРЛЕНДА. М.: НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ, 2021.
304 С.: ИЛ. (СЕРИЯ HISTORIA ROSSICA)

Н. И. Горская

Смоленский государственный университет, 214000, Россия, Смоленск, ул. Пржевальского, 4
gorskaya-n@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5879-5956
Researcher ID: НКМ-6578-2023
Scopus Author ID: 57222642632

В центре коллективной монографии российских и зарубежных исследователей понятие «регион», трактуемое как субъект, творящий историю, одновременно как объект исторического исследования, базовый конструкт или (и) вполне конкретная территория. Хронологически книга охватывает большой отрезок времени имперской России – с 1760-х до 1910 гг. В ней представлены разнообразные окраинные регионы империи и Центральная Россия. Стремление историков показать роль регионов в системе их отношений с центральной властью сопряжено с поисками того, что следует называть регионом, с поисками его истории и уяснения идентичности. Многозначность понятия «регион», которой придерживаются авторы, открыла возможность представить каждому из них свои регионы через экономические, политические, культурные отношения «своего» времени и «своей» проблематики, заострить внимание на репрезентациях и значениях. Повествовательный нарратив одних авторов контрастирует с объяснительными моделями, применяемыми другими; а воображаемые территории чередуются на страницах книги с вполне конкретными в этническом или социально-экономическом отношении регионами. В таком контексте особенности российских регионов приобретают доминирующее значение. При этом исследование не превратилось в разрозненные «областные истории», потому что стержнем конструирования или фиксации этих особенностей остался регион как связующий элемент общероссийского пространства. Регионы Российской империи определялись не административными границами, а вкладом в общеимперскую историю, в ее проблемы и развитие. В целом рецензируемая монография показывает значимость регионов в российской истории и значимость регионального подхода в изучении России.

Ключевые слова: Российская империя, XVIII – начало XX в., регион, региональная идентичность, репрезентация.

Новая имперская история в последние десятилетия активно разрабатывает проблематику регионов. Региональный нарратив, конкурируя с централистским, включает интересные для понимания имперской политики аспекты региональной идентичности в контекст общеимперских отношений. Рецензируемая коллективная монография, авторами которой выступают российские и зарубежные историки, в известном смысле продолжает цикл «Окраины Российской империи» (серия Historia Rossica) издательства «Новое литературное обозрение» [Западные окраины Российской империи, 2006; Сибирь в составе Российской империи, 2007]. Книга переносит наше внимание из центра в провинцию, пополняя не слишком богатую литературу о рос-

сийских регионах и формированию региональной идентичности. Главным героем книги является регион Российской империи.

Виллард Сандерленд, крупный специалист по истории «русского империализма», автор введения и один из двух редакторов книги, предваряет основной текст рассуждениями о том, что следует считать регионом, и приходит к выводу о невозможности дать исчерпывающее понятие данному феномену («слишком много базовых принципов», «регионы сами по себе историчны») [Регионы Российской империи..., 2021, с. 9]. Ситуация усложняется, когда речь идет о России, похожей на «лоскутное одеяло». В целом регион определяется как категория исторического анализа и некий пространственный конструкт, реальный или воображаемый. Но в любом случае регион не существует до тех пор, пока акторы «не выведут его из забвения» [Там же, с. 11], и тогда «пространство империи» создает не только центр, но и регионы [Там же, с. 12]. Такое понимание региона и определило цель исследования – изучение «особости» российских регионов, каждый из которых связан с другими [Там же, с. 17, 18].

В качестве теоретического ориентира авторы монографии избрали работы российского исследователя Сибири и Дальнего Востока А. В. Ремнева, которому и посвящено издание. Но также очевидно, что они опираются на известные теории Б. Андерсона и М. Хроха, относящие формирование национальной идентичности к сфере воображения [Андерсон, 2016; Нации и национализм, 2002]. Статьи охватывают довольно длительный отрезок времени – 1760–1910-е гг., время поисков региональной идентичности, а территориально представляют «внутренние» и «окраинные» регионы Российской империи: Центральную Россию, Северо-Западный край, Кавказ, Области Войска Донского, Дальнего Востока, Оренбургского края. Широкие территориальные рамки выгодно отличают монографию от других исследований региональной идентичности, которые обычно ограничиваются одним регионом [Evtuhov, 2011; Smith-Peter, 2018].

Несмотря на то что авторы статей порой отходят от тщательно выверенного во введении концепта исследования (вписать регионы в более широкую парадигму отношений между ними и отношений каждого из них с центром; ответить на вопрос о времени возникновения регионов) и замыкаются на собственной проблематике, в центре повествования остается специфика исследуемого региона. При этом неважно, о каком регионе идет речь: о материальном, обладающем конкретными признаками или о воображаемом, наделенном акторами определенными смыслами. Многообразие ракурсов и подходов, которые демонстрируют авторы для презентации своих территорий, искупает некоторую недостаточность внутреннего единства, характерную для коллективных монографий.

Первая статья монографии, принадлежащая перу Владислава Боярчикова, призвана, по видимому, показать значимость регионального подхода и найти его корни в историографии России. Автор рассуждает о коротком периоде (1859–1860 гг.) провинциализма в историографии (А. П. Щапов, Н. И. Костомаров, К. Н. Бестужев-Рюмин, П. В. Павлов), связывая его с интересом общественности к областной истории и федерализму и возможностью представить свои взгляды широкой публике посредством публичного чтения лекций и публицистики во время Великих реформ. Действительно, ситуация в начальный период преобразований и содержание реформ Александра II стимулировали общественный интерес к проблемам самоорганизации народа и роли государства в истории. Довольно быстрый отход авторов концепта областной истории от своих позиций и «наступательной» риторики, направленной против государственной школы (С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин), объясняется, по мнению автора, их «приниженным» положением «в существующей академической иерархии» [Регионы Российской империи..., 2021, с. 41]; а главное – уязвимостью их теоретических установок и слабостью источниковой базы исторических построений [Там же, с. 47]. Высоко оценивая вклад областников-федералистов в историческую науку (начали «сеять семена сомнения в том, что самое важное в истории России всегда происходило в ее политическом центре», открыли жизнь областей) [Там же, с. 51], историк подчеркивает значимость регионального подхода для изучения России.

Регион через экономику представлен в статье Кэтрин Пикеринг Антоновой, профессора Городского университета Нью-Йорка. В центре внимания автора поместное и ремесленное (немеханизированное, индивидуальное) текстильное производство Центральной России (Москва, район Иваново – Тейково, Владимирская губерния) и Оренбурга. Региональная парадигма раз-

вития текстильного производства позволила автору по-новому взглянуть на общероссийскую проблему индустриализации. Профессор Антонова подвергает критике теорию «протоиндустриализации» Ф. Мендельса [Mendels, 1972, p. 241–261]. По ее мнению, в России не было промежуточной стадии между ручным ремесленным производством и фабричной промышленностью. В качестве «более конкретной альтернативы» «протоиндустриализации» вводится новое понятие – «параиндустрия», отрицающее универсальную стадиальность перехода к индустрии [Регионы Российской империи..., 2021, с. 69]. Благодаря новой объяснительной модели можно говорить не об отсталости, а о своеобразии экономического развития России, обусловленном региональными особенностями. По мнению автора, региональную экономику создает определенное соотношение разных форм труда (ручного/механизированного), специализации и связей с рынком. Эти факторы работают и в теории «протоиндустриализации», но в рамках «параиндустрии» они приобретают новые, более конкретные региональные проявления.

Серьезный вывод, к которому приходит профессор Антонова, заключается в том, что ручной специализированный труд в течение длительного времени по разным причинам может существовать параллельно с машинным. Качественная продукция получает известность на рынке. Для описания статуса продукции на рынке вводится понятие *брендинга* (особые свойства и широкий спрос), благодаря чему продукция представляет регион, а региональные характеристики товара (*terroir*) создают известность региону. По содержанию статьи мы можем усомниться, что «набор признаков», которые автор называет параиндустрией, «способны проявляться в конкретный исторический момент в любом производстве» [Там же, с. 69]. Однако процесс развития текстильной промышленности в России XVIII–XX вв. благодаря исследованию профессора Антоновой приобретает более объемное, сложное и потому более объективное выражение. Новые категории интересны и для многочисленных интерпретаций теории модернизации и понимания местных крестьянских промыслов, по истории которых имеется богатая региональная литература.

Статьи российских ученых Ольги Глаголевой и Екатерины Болтуновой посвящены проблемам формирования и презентации региональной идентичности. Ольга Глаголева относит начало формирования этого феномена к шестидесятым годам XVIII в., к более раннему периоду, чем это принято считать в историографии (С. Смит-Питер, К. Евтухов), ко времени составления наказов для Уложенной комиссии, которая стала «первым в истории России публичным обсуждением проблем империи и регионов» [Там же, с. 79]. Это единственная статья, где ставится вопрос о понимании региона как такового. Конкретно-исторический анализ административного устройства Московского, Тульского и Орловского районов (существующей и будущих губерний) показал, что носители региональной идентичности – довольно узкий слой местной дворянской элиты – идентифицировали свои сообщества не благодаря меняющимся административным границам уездов, а благодаря «неформальной социальной коммуникации дворян» [Там же, с. 91]. На этом начальном этапе самоидентификации уже наметилось стремление со стороны государства к выстраиванию иерархии регионов, что имплицитно проявилось в организации Уложенной комиссии. В статье Глаголевой обозначено противоречие в понимании регионов со стороны государства (история, значимость в государственной жизни) и локальных сообществ. В основе отнесения дворян к местному сообществу лежали хозяйственные интересы, благодаря которым и особенностям сельского быта они вписывались в местное публичное пространство. Статья Глаголевой обходит молчанием содержание самих наказов, расшифровку «нужд народа», зафиксированных в них, что придало бы дефиниции «регион» и его особенностям большую определенность и сделало бы неоспоримым факт появления региональной идентичности уже в 1760-е гг.

Судя по статье Е. Болтуновой, к началу второй четверти XIX в. можно говорить об определенной иерархии сформировавшейся региональности как с точки зрения внешнего восприятия, так и самоидентификации. Для доказательства данной позиции один из редакторов сборника и руководитель региональной лаборатории Высшей школы экономики избрала сюжет траурного шествия за гробом Александра I в 1826 г. – действия, которое, казалось, должно было строго регламентироваться из центра и не допускать никаких отклонений в структуре процессии и действиях местной власти. Однако, как показано в статье, участники похоронного шествия как раз продемонстрировали отличительные черты своих территорий и социальные

иерархии трех уровней (столичного, губернского, уездного) и, более того, пыталась заработать символический капитал в глазах нового императора. Через «встраивание» региональных секций в общую траурную процессию осуществлялся диалог центра и регионов. Петербург как столица империи, имевший целью презентовать образ целой страны и императорской власти, воздействовал на регионы «системно» [Там же, с. 105], посредством определения маршрута, финансирования и регламентации процессии в столицах. Получив определенную свободу для самовыражения, регионы, по мнению автора, воспользовались ее, демонстрируя при этом социальные иерархии каждого из уровней и политику усопшего императора (в Новгороде на первых позициях была администрация военных поселений; в Харькове – руководство учебного округа). Траурный характер действия предписывал и социальное единство (при исключительном статусе дворянства), и ограниченные возможности для выражения «особости» территорий. Автор приходит к выводу о том, что «внутренние российские губернии достигли серьезного единообразия в принципах организации социальной жизни и функционирования управленческой системы» [Там же, с. 116]. В статье профессора Болтуновой регион ассоциируется с административной единицей, но не исчерпывается внешними очертаниями; большую роль играют социальные иерархии и связи со столицей.

Отношения имперского центра и окраинных регионов посвящены статьи американского и российских историков Марка А. Содерстрема, Амираана Урушадзе, Алексея Волвенко, Сергея Любичанковского. Основная идея этой части монографии, как нам представляется, связана с разнонаправленностью политики имперского центра по отношению к регионам с учетом тех характеристик, которые в тот или иной момент важны для Петербурга.

Марк А. Содерстром оценивает сибирскую историю, представленную в исторических сочинениях и деятельности сибирского историка П. А. Словцова через призму его личного опыта. Исходя из положения о том, что «регионы определяются тем, что их отличает от других областей» [Там же, с. 121] автор характеризует «областническую тенденцию» в творчестве имперского чиновника и друга М. М. Сперанского. В представлениях историка XIX в. она ассоциировалась с особостью обычаев и веры жителей Сибири, отличающих их от других народов России. Однако в перспективе эти отличительные характеристики, по мнению Соловцова, уйдут в прошлое, «поравняв Сибирь с Россией» [Там же, с. 127]. С точки зрения автора статьи, с которой нельзя не согласиться, жизнь и труды Соловцова придают «субъективные оттенки» значению региона «как аналитической категории» [Там же, с. 121]. Тем не менее из текста статьи видно, что это личное, окрашенное любовью к малой родине, последовательно вписывается в нарратив общегосударственной политики в отношении к отдаленному региону страны.

А. Урушадзе на примере неудавшейся реформы сенатора П. В. Гана показывает, как многолетний «устойчивый миф» о многообразной этнической и религиозной специфике Кавказа «стал одной из причин того, что империя так и не смогла интегрировать край в общероссийские административно-правовые структуры» [Там же, с. 157]. Урушадзе снимает «обвинение» с сенатора П. В. Гана, который считался главным виновником неудавшейся административной реформы на Кавказе в 1841 г. По мнению автора статьи, сенатор Ган стремился реализовать принципы, разделяемые императорской властью и российской элитой, однако они не обрели реального воплощения из-за сопротивления местной аристократии, пользующейся поддержкой российских военных и чиновников. Именно оппозиция местных элит на фоне неудач России в Чечне заставила императора Николая I изменить курс «от административной унификации к административной автономии» [Там же, с. 156–157].

Алексей Волвенко рассуждает о политическом подтексте переименования Земли войска Донского в Область войска Донского (1870 г.) в условиях реформирования армии и стратегии интегрирования региона в общероссийское пространство с учетом позиции местного населения. Сравнение текстов Урушадзе и Волвенко показывает, что административная и политическая элита России эпохи Александра II действовала более искусно, чем во времена Николая I, обеспечив поддержку со стороны среднего слоя казачества земельной реформой. По вполне обоснованному мнению автора, переименование Земли в Область «лучше отражало складывающийся донской административный и социально-экономический порядок и <...> более точно соответствовало дескриптивной (описательной функции) нового топонима» [Там же, с. 171].

Сергей Любичанковский ведет речь об образе Оренбургского края в отчетах гражданских губернаторов 1885–1914 гг. Используя контент-анализ, автор показывает, как гражданские губернаторы выстраивали представление «о типичной внутренней провинции, основным «трендом» развития которой стало образование, что соответствовало ситуации в центральных губерниях [Там же, с. 181–182]. В официальной дискурсе местной власти произошел отказ от признания «феноменальности», особенности Оренбургского края и сглаживания его этноконфессиональной специфики, которая уступила место экономике (хотя экономический образ региона из-за отсутствия данных о развитии промышленности «был сознательно искажен») [Там же, с. 185] и проблемам управления и суда. Этот «доминирующий образ», по мнению исследователя, стал результатом выбора роли, «которую брали на себя региональные политики» [Там же, с. 176–177], а также имперских устремлений по «постепенному подтягиванию окраин до стандартов государственного "ядра"» [Там же, с. 194]. Статья ученого из Оренбурга демонстрирует, как чиновники конструируют образ региона в соответствии с ожиданиями столицы.

Статьи уральских ученых Ивана Поппа и Евгения Крестьянникова представляют особенности регионов посредством организации судебной власти на уровне волостных и окружных судов. Значимость волостного суда и его место в региональной политике рассматриваются Иваном Поппом с точки зрения распределения ресурсов и возможностей административного контроля. Исходя из традиционных характеристик волостного суда (полная независимость в процессуальном отношении, исключение крестьян из общегражданской жизни, общее недоверие к судам, несоответствие господствующей модели административного управления), автор сфокусировал свое внимание на введении кассационного обжалования решений волостных судов (1866 г.). Эта уступка центра оценивается двояко. С одной стороны, она позволила крестьянам «ощутить себя частью империи с установленным законодательством» [Там же, с. 213], с другой – сохранились фундаментальные характеристики волостного суда и дихотомия права/обычая. С позиций регионального подхода весьма продуктивной выглядит предложенная автором своеобразная объяснительная модель волостного суда: «ситуационная структура» взаимодействия участников судебного процесса, надзорных и административных учреждений и имперского центра [Там же, с. 222]. В статье И. Поппа в качестве региона представлена Пермская губерния, а также любая российская губерния, где местные суды действовали автономно, нарушая традиционное представление о безупречности административной вертикали в России.

Статья Евгения Крестьянникова возвращает читателя в Сибирь, во времена затянувшейся в России реализации судебной реформы. Профессор Крестьянников исследует, пожалуй, самое болезненное для России противоречие судебной реформы – противоречие между законом и жизнью. Автор показал, что процессуальные особенности сибирских судов, которые, казалось, должны были учитывать опыт реализации судебной реформы в Центральной России в действительности имели недостатки, но уступали в своей значимости территориальным, географическим и демографическим характеристикам, которые необходимо было соотнести с одним из фундаментальных принципов реформы – близостью к населению. Описание планов и практик локализации окружных судов в условиях Сибири позволило автору сделать вывод, что размещение судов с опорой на административно-территориальное деление, вступало в противоречие с нуждами правосудия, а сам принцип «отвергался расстояниями» [Там же, с. 244].

Продолжение рассуждений о значимости географического фактора в отношениях между Петербургом и регионом мы находим в тексте литовского историка Дарюса Сталюнаса. Автор рассматривает «изобретение» имперскими властями административно-территориального конструктора – Западного (Северо-Западного) края – на фоне польского нарратива о регионе и процесса самоидентификации этнических групп» [Там же, с. 246]. Для изучения ментальных карт недоминирующих этнических групп (литовцев, евреев, поляков, белорусов) Д. Сталюнис обратился к сфере образования, которое использовалось в качестве одного из инструментов имперской политики в крае. Д. Сталюнис приходит к выводу, что «в конце XIX – начале XX в. официальное административно-территориальное деление стало привычной системой координат» для интеллигенции края не только «в обращениях к властям, но и в коммуникации с народом» [Там же, с. 261]. Но являясь «частью ментальных карт этнических элит» [Там же, с. 267], оно имело свои коннотации (исторические, политические) для каждой из этнических групп, поэтому «даже в тех случаях, когда границы шести губерний для той или иной этнической группы

были важны, они никак не соотносились с Северо-Западным краем» ([Там же, с. 268]. Отказ от использования конструкта Западный (Северо-Западный) край в официальном имперском дискурсе (1912 г.) исследователь объясняет значимостью категории, постоянно напоминающей жителям края о его особости в составе империи.

Региональную тематику за пределы России выводит Сёрен Урбански. Он пишет о влиянии глобализации на понимание региона и его идентичности. По мысли историка, «отношения между белым и китайским населением» [Там же, с. 273] редуцировались во внешний вызов в форме «желтой опасности», который и стимулировал формирование категории «Дальневосточный регион».

Подводя итог вышесказанному, следует заметить, что авторы монографии, говоря о Центральной России, не сумели избежать трактовки регионов как территорий, ограниченных административно-территориальными рамками разных уровней (губерния, уезд, волость). И в этом случае, и в случае, когда тот или иной пограничный регион рассматривается в сборнике шире существовавших административных границ, при анализе региона присутствует некоторая одномерность, хотя и вполне объяснимая, для какого рода монографий. Социальный или административный (или любой другой) угол зрения, конечно, не исчерпывает всех черт региона. Для понимания такой «ускользающей» дефиниции как какой-то конкретный регион, думается, необходимо ее многомерный анализ. Кроме того, некоторые региональные характеристики (судебные, административные) являются не собственно региональными проявлениями, а «навязываются» региону центром и являются выражением этого давления.

Доминирование государственной школы в отечественной историографии не отрицает того факта, что со второй половины XIX в. краеведческий компонент завоевал почетное место не только в образовании, но и в историографии, посредством изучения особенностей региональных изменений в рамках большой истории. Однако поиски только отличительных черт не удовлетворяют регионалистов. Они стремятся преодолеть узость исследовательской парадигмы. Подтверждением этому является настоящая монография.

Библиографический список

- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышление об истоках распространения национализма. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
- Evtuhov C.* Portrait of a Russian province: Economy, society, and civilization in nineteenth-century Nizhnii Novgorod. Pittsburgh: Univ. of Pittsburgh press, 2011. XV, 320 p.
- Западные окраины Российской империи / под ред. М. Долбилова, А. Миллера. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 605 с.
- Mendels F.* Proto-Industrialization: The First Phase of the Industrialization Process // The Journal of Economic History. 1972. No. 1. P. 241–261.
- Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация, (на) значение: коллективная монография / под ред. Е. Болтуновой, В. Сандерленда. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 304 с.
- Smith-Peter S.* Imagining Russian regions: Subnational identity and civil society in nineteenth-century Russia. Leiden; Boston: Brill, 2018. XIV, 328 p.
- Сибирь в составе Российской империи / под ред. Л.М. Дамешека, А.В. Ремнева. М.: Новое лит. обозрение, 2007. 362 с.
- Нации и национализм: сб. стат. / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох [и др.]. М.: Праксис, 2002. 416 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 09.08.2022

**REGIONS OF THE RUSSIAN EMPIRE AS SUBJECTS OF HISTORY.
BOOK REVIEW: BOLTUNOVA, E. & V. SANDERLEND (EDS.)
(2021), REGIONS OF THE RUSSIAN EMPIRE: IDENTITY,
REPRESENTATION, (ON) MEANING: COLLECTIVE MONOGRAPH,
NOVOE LITERATURNOE OBOZRENIE, MOSCOW, RUSSIA, 304 P.: ILL.
(HISTORIA ROSSICA SERIES)**

N. I. Gorskaya

Smolensk State University, 214000, Russia, Smolensk, Przheval'skogo str., 4

gorskaya-n@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5879-5956

Researcher ID: HKM-6578-2023

Scopus Author ID: 57222642632

At the center of the collective monograph of Russian and foreign researchers is the concept of “region”, interpreted as a subject that creates history, and at the same time as an object of historical research, a basic construct or (and) a very specific territory. Chronologically, the book covers a large period of Imperial Russia: from the 1760s to 1910. It presents the various outlying regions of the Empire and Central Russia. The desire of historians to show the role of regions in the system of their relations with the central government is associated with the search for what should be called a region, with the search for its history and understanding of identity. The ambiguity of the concept of region, which the authors adhere to, has opened up the opportunity to present regions through the economic, political, cultural relations of “their” time and “their” problems; and to focus on representations and meanings. The narrative of some authors contrasts with the explanatory models employed by others; and imaginary territories alternate on the pages of the book with regions that are quite specific in ethnic or socio-economic terms. In general, the reviewed monograph shows the importance of regions in Russian history and the importance of a regional approach in the study of Russia

Key words: Russian Empire, 18th – early 20th centuries, region, regional identity, representation.

References

- Anderson, B. (2016), *Voobrazhaemy'e soobshchestva. Razmy'shlenie ob istokax rasprostraneniya natsionalizma* [Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism], Kuchkovo pole, Moscow, Russia, 416 p.
- Anderson, B., Bauer, O., Xrox, M. et al. (eds.) (2002), *Natsii i natsionalizm: sb. statey* [Mapping the nations], Praksis, Moscow, Russia, 416 p.
- Boltunova, E. & V. Sanderlend (eds.) (2021), *Regiony Rossiyskoy imperii: identichnost'x, reprezentatsiya, (na)znachenie: Kollektivnaya monografiya* [Regions of the Russian Empire: identity, representation, (on) meaning: collective monograph], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 304 p.
- Dameshek, L.M. & A.V. Remnev (eds.) (2007), *Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii* [Siberia within the Russian Empire], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 362 p.
- Dolbilov, M. & A. Miller (eds.) (2006), *Zapadnye okrainy Rossiyskoy imperii* [Western outskirts of the Russian Empire], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 605 p.
- Evtuhov, C. (2011), *Portrait of a Russian province: Economy, society, and civilization in nineteenth-century Nizhnii Novgorod*, Univ. of Pittsburgh press, Pittsburgh, USA, XV, 320 p.
- Mendels, F. (1972), “Proto-Industrialization: The First Phase of the Industrialization Process”, *The Journal of Economic History*, № 1, pp. 241–261.
- Smith-Peter, S. (2018), *Imagining Russian regions: Subnational identity and civil society in nineteenth-century Russia*, Brill, Leiden; Boston, Netherlands – USA, XIV, 328 p.